

Н.П. Матханова*

N.P. Matkhanova*

**Декабрист Александр Викторович
Поджио (1798–1873): проблема
национальной (и не только)
самоидентификации**

**Decembrist Aleksandr Viktorovich
Poggio (1798–1873): the Problem of
National (and not Only)
Self-Identity**

doi:10.31518/2618-9100-2020-6-5

doi:10.31518/2618-9100-2020-6-5

УДК 94(47) «18/19»+316.61

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио (1798–1873): проблема национальной (и не только) самоидентификации // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 79–92. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-05.pdf>

Matkhanova N.P. Decembrist Aleksandr Viktorovich Poggio (1798–1873): the Problem of National (and not Only) Self-Identity // Historical Courier, 2020, No. 6 (14), pp. 79–92. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-05.pdf>

Abstract. The article studies the problem of national, cultural, confessional, social self-identity of Decembrist A.V. Poggio. It is noted that the issue of national identity and self-identity and even ethnic composition of the Decembrist movement have never been a subject of special scientific research, with the sole exception of the Decembrists of German descent. To complete the research goal, the author of this article tries to answer the following questions: whether A.V. Poggio considered Italy or Russia his homeland; what language he used during the written and oral communication; did he use first-person pronouns (we, us, our) concerning Russians or Italians; did he call himself Russian or Italian. The research is based on such sources as his testimony during the investigation after the defeat of the Decembrist revolt, notes and letters, as well as the memoirs of his student and friend N.A. Belogolovy. The testimony of A.V. Poggio during the investigation shows that he emphasized his belonging to the Russian people, invariably called himself Russian and Russia – his Motherland, used the first-person pronouns concerning Russians. The author suggests that his self-identity was determined by the influence of reflection of P.I. Pestel on the Russian nation and the fate of foreigners. A.V. Poggio spoke Russian fluently (although he did not forget Italian) and used it in oral and written (official and private) communication. His family professed Orthodox faith and he lived in the Orthodox society, but he was a Catholic by religion. Finding out the social status of A.V. Poggio, the author notices that Aleksandr was aware of the family legend about his father's origin from an ancient noble Italian family, but he did not try to prove it and was content with the nobility after the rank of his father. Although he had an estate that was indivisible with his mother and brother, in fact he remained a landless nobleman. Probably, the most correct way to define national identity and self-identity of A.V. Poggio is to name him a Russian Italian.

Keywords: Decembrists; national identity; class affiliation; Italians in Russia; A.V. Poggio.

The article has been received by the editor on 20.11.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Рассматривается вопрос о национальной, культурной, конфессиональной, сословной/социальной самоидентификации декабриста А.В. Поджио. Отмечено, что тема национальной идентичности и самоидентификации и даже национального состава участников движения декабристов практически не рассматривалась, за единственным исключением,

* **Матханова Наталья Петровна**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nmatkhanova@mail.ru
Matkhanova Natalya P., Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nmatkhanova@mail.ru

которое относится к декабристам-немцам. Для ответа на вопрос о национальной самоидентификации Поджио, итальянца по происхождению, выясняется, считал он своей родиной Италию или Россию; какой язык использовал в своих письменных текстах и устном общении; употреблял местоимения первого лица («мы», «нас», «нам») применительно к русским или итальянцам; и, наконец, именовал себя русским или итальянцем. Используются его показания на следствии, записки и письма, а также мемуары его ученика и друга Н.А. Белоголового. В показаниях на следствии и в записках А.В. Поджио подчеркивал свою принадлежность к русскому народу, неизменно называл себя русским, а Россию своей родиной, употреблял местоимения первого лица применительно к русским. Высказано предположение, что он подчеркивал свою русскость частично под влиянием рефлексии Пестеля о русской нации и судьбе иностранцев. Поджио прекрасно владел русским языком (хотя не забывал итальянский) и использовал его в устной речи и письменных (официальных и частных) текстах. Он жил в православной семье и православном окружении, но оставался католиком. При определении социальной/сословной самоидентификации Поджио отмечается, что ему была известна бытовавшая в семье версия о происхождении отца от древнего благородного итальянского рода, но он не пытался доказать свою к нему принадлежность и довольствовался дворянством по чину отца. Хотя у него было имение, находившееся в нераздельной собственности с матерью и братом, по сути он оставался беспоместным дворянином. Вероятно, наиболее правильно было бы определить национальную идентичность и самоидентификацию Поджио следующим образом – это был русский итальянец.

Ключевые слова: декабристы; национальная самоидентификация; сословная принадлежность; итальянцы в России; А.В. Поджио.

Интерес к декабристам сохраняется в течение многих десятилетий, рассматриваются разные аспекты темы, и все больше внимание исследователей привлекает персональная история. Такая яркая и колоритная личность, как А.В. Поджио, не могла не вызвать интереса у историков. В 1989 г. в серии «Полярная звезда» издан том, содержащий его записки и письма¹ (рис. 1). В постсоветский период² его имя периодически появлялось в книгах и статьях о декабристах, специально ему были посвящены глубокие и содержательные статьи В.В. Пугачева и В.С. Парсамова³, В.П. Бойко и Л.Л. Бойчук (последние – о жизни и деятельности Поджио в Сибири и после ссылки)⁴, а также основанные на материалах тома из серии «Полярная звезда» кандидатская диссертация И.И. Бродской⁵ и статья О.Н. Полянской⁶. Вопрос о национальной и социальной/сословной самоидентификации в них не затрагивался.

Вообще тема национальной идентичности и самоидентификации и даже национального состава участников движения декабристов практически не рассматривалась – за единственным исключением. Не поднималась она и в статье, посвященной «национализму декабристов»⁷. Сохранение подобной лакуны вполне объяснимо. Во-первых, вопросы национальной идентичности в первой четверти XIX столетия только начинали всерьез дискутиро-

¹ Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989.

² Предшествующая историография рассмотрена ранее. См.: Матханова Н.П. Декабрист А.В. Поджио и его воспитанники братья Белоголовые // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 89–91; Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио // Поджио А.В. Записки, письма... С. 3–4.

³ Пугачев В.В. Юлиан Оксман и Франко Вентури о декабристах братьях Поджио // Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958. Саратов, 1999. С. 58–66; Парсамов В.С. Декабрист А.В. Поджио о русском и европейских путях исторического развития // 14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2004. Вып. VI. С. 334–363.

⁴ Бойко В.П. Предпринимательская деятельность декабриста А.В. Поджио в Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 6 (26). С. 5–8; Бойчук Л.Л. Драматическая страница из жизни А.В. Поджио после его возвращения из Сибири (по материалам ОПИ ГИМ) // Сибирь и декабристы. Иркутск, 2009. Вып. 6. С. 275–306.

⁵ Бродская И.И. Декабрист Александр Викторович Поджио: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1991.

⁶ Полянская О.Н. «Желал бы умереть непременно в России...»: декабрист А.В. Поджио в сибирской ссылке // Русские в Италии. Итальянцы в России: взаимовлияние культур. СПб., 2012. С. 139–152.

ваться. Во-вторых, поскольку в то время в официальных документах (в т.ч. в делах Следственной комиссии) национальность не фиксировалась, «единственным источником, позволяющим (правда, со значительными оговорками) судить о национальном составе участников движения», являлись сведения о вероисповедании⁸.

И все же вопрос был поставлен исследователями применительно к декабристам-немцам⁹. С.Н. Чернов в книге, посвященной П.И. Пестелю, подчеркивал характерное для его героя «тяжелое внутреннее признание себя по крови и культуре нерусским»¹⁰. В статье о немцах-декабристах в Сибири Е.И. Матханова утверждала: «Как можно судить по сохранившимся источникам, они, как правило, не выделяли себя из общего понятия “русский народ”. Думается все же, что это ощущение было очень индивидуальным»¹¹. Далее отмечается, что «никак не выделяли немцев из общего коллектива “государственных преступников” и составлявшие большинство ссыльных русские декабристы»¹².

Национальная принадлежность братьев Поджио не вызвала сомнений: и они сами, и другие декабристы, и вообще представители внешнего мира всегда указывали на их итальянское происхождение. Однако, как выясняется, ответ на этот вопрос не так уж очевиден. Далее речь пойдет почти исключительно о младшем из братьев – Александре Викторовиче (рис. 2).

В.В. Пугачев, вслед за Ф. Вентури и Ю.Г. Оксманом, не склонен переоценивать значение итальянского происхождения Поджио. Он считает, что братья Поджио явились «конкретным воплощением единства русского национального и общеевропейского сознания декабристов», «сочетание космополитического и национального» было «характерной чертой начала XIX века», сама культура была и русской, и европейской¹³. Эти авторы особенно выделяют значение для становления мироощущения А.В. Поджио специфики его родины – Одессы¹⁴, с ее интернациональным («космополитическим») составом населения, духом коммерции и свободы¹⁵. В.С. Парсамов, отмечая особый «интерес А.В. Поджио к проблемам взаимоотношения русской и европейской культуры», также подчеркивает: «Итальянец по происхождению, католик по вероисповеданию, он родился в Новороссии, где <...> проводилась активная политика европеизации»¹⁶. Версия Ю.Г. Оксмана и его последователей подтверждается сведениями из дневника польского ссыльного Ю. Сабиньского,

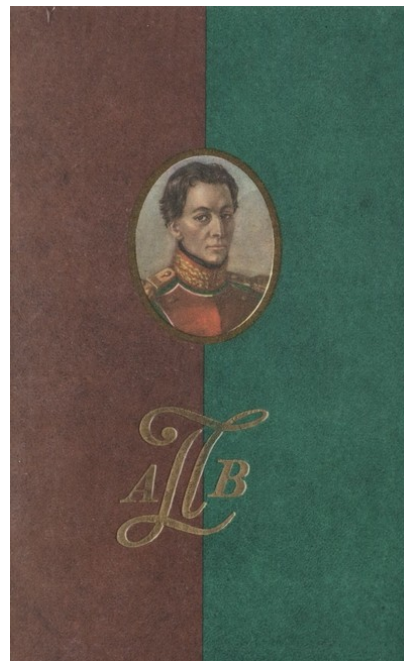

Рис. 1. Том А.В. Поджио, серия «Полярная звезда».

⁷ Сергеев С.М. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // Вопросы национализма. 2011. № 2. С. 78–118.

⁸ Мироненко С.В. Биографический справочник. Принципы издания // Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 376–398, 390.

⁹ Чернов С.Н. Павел Пестель. Избранные статьи по истории декабризма. СПб., 2004; Коломинов В.В. Российские немцы – участники движения декабристов // Немцы в России: люди и судьбы. СПб., 1998. С. 175–182; Матханова Е.И. Судьба немцев-декабристов в Сибири // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 46–64.

¹⁰ Чернов С.Н. Павел Пестель... С. 74.

¹¹ Матханова Е.И. Судьба немцев-декабристов в Сибири... С. 47.

¹² Там же. С. 48.

¹³ Пугачев В.В. Юлиан Оксман и Франко Вентури о декабристах братьях Поджио... С. 62, 59.

¹⁴ По официальным данным, А.В. Поджио родился, точнее, – был крещен – в Николаеве (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3922. Л. 26), но родиной своей считал Одессу и в одном из писем Н.А. Белоголовому (апрель 1872 г.) предлагал тому доехать «до моей родины – Одессы» (Поджио А.В. Записки, письма... С. 45).

¹⁵ Пугачев В.В. Юлиан Оксман и Франко Вентури о декабристах братьях Поджио... С. 61.

¹⁶ Парсамов В.С. Декабрист А.В. Поджио о русском и европейских путях исторического развития... С. 335.

знавшего братьев Поджио по Сибири: «Образованные, вежливые, очень хорошо говорят по-французски, но и по-польски все понимают», – записано 28 декабря 1840 г.¹⁷

Рис. 2. А.В. Поджио.
Акварель Н.А. Бестужева. 1837 г.

И все же вопрос о национальной самоидентификации остается открытым. Кем ощущал себя А.В. Поджио – итальянцем? русским? Для ответа надо установить, считал он своей родиной Италию или Россию; какой язык использовал в своих письменных текстах и устном общении; употреблял местоимения первого лица («мы», «нас», «нам») применительно к русским или итальянцам; и, наконец, именовал себя русским или итальянцем. Некоторые материалы для решения этой задачи содержатся в его показаниях на следствии, записках и письмах, а также в мемуарах его ученика и друга Николая Андреевича Белоголового¹⁸.

Александр Викторович не раз недвусмысленно указывал, что родина его – Россия. М.В. Нечкина подчеркивала: «У Поджио крепки связи с Россией, он ощущает себя ее сыном»¹⁹; оба брата постоянно называют Россию своей родиной²⁰. В ответах на вопросные пункты следствия А.В. Поджио писал, что «стал убеждаться в необходимости видеть свое

отечество, как бы каким волшебством стать на ряду с просвещеннейшими народами»²¹, не раз писал о России – «отечество мое»²². В «Записках», объясняя свое участие в движении декабристов, он писал: «...Мне хотелось, как русскому и по русскому делу, непременно ворваться в свою отечественную историю»²³. Именно как русский он критически оценивает национальный исторический опыт: «...Нам, т.е. народу, не приходится ссылаться на вече из посадских, на правление чисто народодержавное»²⁴. О России и русском народе в «Записках» неизменно говорится в первом лице. Например, «Как предшествующие нам исторические поколения жили своею жизнью, так своею заживем и мы»²⁵. Но в данном контексте могла иметься в виду не национальная принадлежность и/или самоидентификация, а подданство/гражданство.

В пользу подобного предположения имеются такие аргументы. А.В. Поджио был довольно близок к П.И. Пестелю, находился под сильным его влиянием и, по собственному признанию, «многое знал и многое слышал»²⁶. Пестель же в «Русской правде» серьезно размышляет о сути понятия «нация» и судьбе подданных России – «иностранцев». По разделяемому мною мнению А.И. Миллера, Пестель воспринимал нацию «как этнически открытую общность, связанную политическими узами гражданства и культурно-языковым единством». Иностранцам же следовало сделать, подтвердить «выбор российского подданства... русского языка и русской идентичности», иначе они лишались русского подданства²⁷. С.Н. Чернов отмечал несколько нарочитое подчеркивание своего тяготения ко всему русскому у самого Пестеля и объяснял его и

¹⁷ Сабинский Ю. Сибирский дневник. Иркутск, 2014. Т. 1. С. 533.

¹⁸ Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. Из детских лет // Знаменский М.С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 235–308; Белоголовый Н.А. А.В. Поджио // Знаменский М.С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. С. 330–401.

¹⁹ Нечкина М.В. Предисловие // Восстание декабристов (ВД). М., 1954. Т. XI. С. 19.

²⁰ Нечкина М.В. Рецензия на книгу Ф. Вентури «Движение декабристов и братья Поджио» // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 166.

²¹ ВД. Т. XI. С. 37.

²² Там же. С. 71.

²³ Поджио А.В. Записки, письма... С. 111.

²⁴ Там же. С. 139.

²⁵ Там же. С. 139.

²⁶ Там же. С. 309 (письмо М.С. Волконскому от 8 (20) февраля 1866 г.).

пониманием препятствия для политической карьеры в виде немецкого происхождения, и «горячей любовью к России», «искренним национальным самоопределением себя русским»²⁸. Пестелевская рефлексия на эту тему явно оказала влияние на Поджио, который еще и поэтому в показаниях и в записках подчеркивал свою русскость, преданность интересам России.

Однако подобные обороты встречаются в личных письмах в ином контексте.

Летом 1864 г. Поджио писал давнему товарищу Е.П. Оболенскому о новом выезде за границу после пребывания в России, в Воронках (имении Е.С. Кочубей, урожд. Волконской): «Прошлогодний заграничный холод при прохладительном зодчестве вовсе не содействовал поправлению здоровья русского человека, пустившегося в погоню за италийским солнцем». И далее: «...Мне придется одному скитаться по чужбине»²⁹. Это же самоощущение более подробно описывается в письме к Н.А. Белоголовому: «Как одиночество высказывается на чужбине – космополитизируй, как хочешь, а свое подай, да и только!»³⁰ Более того, тогда, вскоре после отъезда из России, Поджио с присущей ему привычкой к преувеличениям даже отрицал интерес к исходу борьбы итальянцев против австрийского владычества в Венеции и восклицал: «Какое мне дело до этого яблока раздора между Австрией и Италией?» Правда, далее он все же сокрушался: «Торговли, промышленности, работ общественных нет, и судите о городе, который только мог жить при развитии этих условий! Все это грустно, безотраднo»³¹. Неизменно в письмах звучит один и тот же мотив: Россия – моя, остальное – чужбина. Собираясь в очередную поездку из Швейцарии в Россию, Александр Викторович писал дочери С.Г. Волконского Е.С. Кочубей: «...Уехать, покинуть чужбину, вечно чужбину»³². В размышлениях о своей смерти Поджио писал И.С. Трубецкому, сыну декабриста и давнего друга: «...Я же отправлюсь с одними надеждами, полный веры в судьбы моей России»³³. Слова эти приведены в связи с рассуждениями о неправильных, непродуманных действиях русского правительства, распустившего Петербургское земское собрание. Патриотические надежды Поджио связаны с его уверенностью в блестящих перспективах российской экономики, причем основанной на развитии промышленности. «Хочу и только видеть Россию государством промышленным и потому независимым, самобытным», – писал он в начале 1869 г. М.С. Волконскому³⁴ (рис. 3).

В последних письмах временами все же проскальзывает о русских: «вы», «ваши». Так, в октябре 1870 г., в разгар Франко-прусской войны, Поджио писал М.С. Волконскому из Женевы: «Между тем как здесь истребляют во имя германской культуры жизнь во всех ее проявлениях, вы, мои русские, сохраняете, сберегаете ее»³⁵. Отмечу – «вы», но все же – «мои русские». Через полтора года в письме к Н.А. Белоголовому, радуясь успехам русских врачей, он призывает: «...И да увеличится это число, насколько мое русское сердце желает, – но продолжает, – ...у вас, у русских»³⁶. Однако имелись в виду русские врачи, поэтому, быть может, и появилось «у вас».

Рис. 3. М.С. Волконский.
Фотография конца 1860-х гг.

²⁷ Миллер А.И. История понятия нация в России // «Понятие о России». К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. II. С. 21.

²⁸ Чернов С.Н. Павел Пестель... С. 75.

²⁹ Поджио А.В. Записки, письма... С. 281, 282.

³⁰ Там же. С. 275 (зима 1863/64 гг.).

³¹ Там же. С. 274–276 (зима 1863/64 г.).

³² Там же. С. 559 (март 1868 г.).

³³ Там же. С. 334 (письмо от 5 февраля 1867 г.).

³⁴ Там же. С. 389 (письмо от 18 февраля (2 марта) 1869 г.).

³⁵ Там же. С. 420 (письмо от 10/22 октября 1870 г.).

³⁶ Там же. С. 457 (апрель 1872 г.).

Понятно, что при определении национальной самоидентификации и идентичности одним из самых важных, если не важнейшим, является вопрос о языке. Скорее всего, первым для братьев Поджио был язык родителей – итальянский. Живя в русском, точнее, в русскоязычном окружении, они знали и русский. Как гвардейские офицеры и светские люди, владели французским. В формулярном списке Александра Викторовича значится: «Пороссийски, по-французски и по-немецки читать и писать, географии, истории и математике знает»³⁷. Здесь, очевидно, отражены сведения из полученного документа об образовании – не случайно итальянский не указан, т.к. ему наверняка не учили. Русским языком А.В. Поджио владел хорошо – ответы на вопросные пункты на следствии, в отличие от некоторых товарищей, он писал по-русски, с небольшими французскими вкраплениями, как правило, передававшими чьи-то слова. То же можно сказать и о его «Записках». Его лексика богата и разнообразна, изобилует оригинальными образными выражениями («поддельные судьи заказные», «кровавая чернильница», «плоть и кость династическая»)³⁸, ему присущ яркий самобытный стиль (об А.И. Чернышеве: «Нет хитрости, нет коварства, нет самой утонченной подлости, прикрытой маскою, которых бы не употреблял без устали этот непрестанный деятель для достижения своей цели»)³⁹. Примеры можно было бы продолжать до бесконечности. Абсолютное большинство писем написано по-русски и также ярко, образно, с использованием обширного словарного запаса. Есть, что обычно для эпистолярия этой среды и этого времени, и написанные на французском, и вкрапления французских фраз и слов. По-французски Поджио писал с ошибками, что отмечали переводчик Н.Д. Голубятникова и ответственный редактор тома С.В. Житомирская. Писем на итальянском не обнаружено. Отдельные слова и выражения на итальянском встречаются в письмах последних лет к М.С. Волконскому из Швейцарии и Италии. В сибирской «каторжной академии», где декабристы занимались взаимным обучением, Поджио преподавал итальянский⁴⁰. О сохранении языка свидетельствует и информация Сабиньского о том, что он получил от Поджио «итальянские книги: *Biblioteca di prose italiane*, собрание сочинений древних и современных авторов»⁴¹.

Представляется очень важным ответ на вопрос о национальной принадлежности А.В. Поджио, данный его воспитанником и другом Н.А. Белоголовым (рис. 4). В воспоминаниях, писавшихся в те годы, когда эта тема стала предметом обсуждения и рефлексии в русской общественно-политической мысли, Белоголовый констатировал: «Хотя в жилах его текла итальянская кровь, и к Италии он испытывал естественную нежность, однако в душе он был чисто русский человек и безгранично любил Россию»⁴². Подчеркивал он «страстность и живость южного темперамента», «итальянскую пылкость» своего учителя⁴³. Белоголовый неоднократно утверждал, что и живя в Италии, Поджио «оставался тем же чисто русским человеком, и все красоты Италии, высокая ее культура и внешнее и внутреннее изящество ее сынов не могли вытеснить из сердца его глубокую и преобладающую

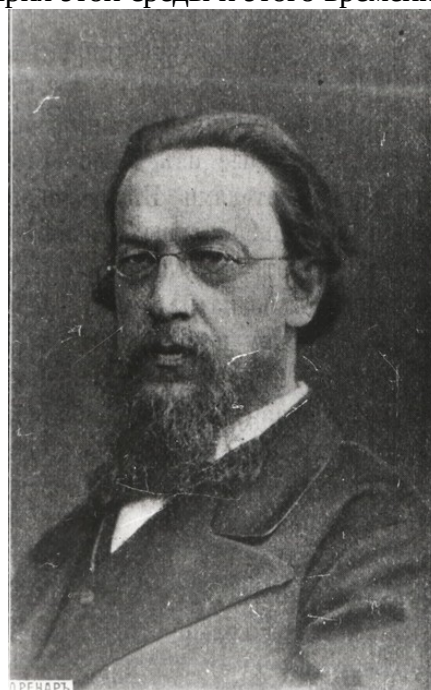

Рис. 4. Н.А. Белоголовый.
Фотография 1889 г.

³⁷ ВД. Т. XI. С. 33.

³⁸ Поджио А.В. Записки, письма... С. 68, 69, 70.

³⁹ Там же. С. 71.

⁴⁰ Бестужев М.А. Воспоминания о Н.А. Бестужеве // Воспоминания Бестужевых. Редакция, статья и комментарии М.К. Азадовского. СПб., 2005. С. 224–289, 280.

⁴¹ Сабиньский Ю. Сибирский дневник. Т. 1. С. 553 (запись от 11 февраля 1841 г.). Известна книга «*Racolta di prose italiane*» («Сборник итальянской прозы»), изданная в Милане в 1808 г.

⁴² Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. Из детских лет... С. 252.

⁴³ Там же. С. 273, 294.

привязанность к России»⁴⁴. В одном из последних писем, из Флоренции осенью 1871 г. сам Поджио восхищался природой, «чудным солнцем», «живительным воздухом», «обворожительными вечерами»⁴⁵. Подобному представлению не мешает в глазах ученика и друга и то обстоятельство, что после нескольких лет жизни во Флоренции Поджио не только ознакомился с ее достопримечательностями, восхищался ее роскошной природой, но и «усвоил ее жаргон», переводил русским друзьям и знакомым шутки актеров местных народных театров⁴⁶. Важнейшим аргументом для такого понимания национальной идентичности Поджио Белоголовый считал его неизменное желание «умереть непременно в России»⁴⁷. Известно, что так и случилось: А.В. Поджио умер в Воронках, имении Е.С. Кочубей, и был похоронен подле М.Н. и С.Г. Волконских (рис. 5).

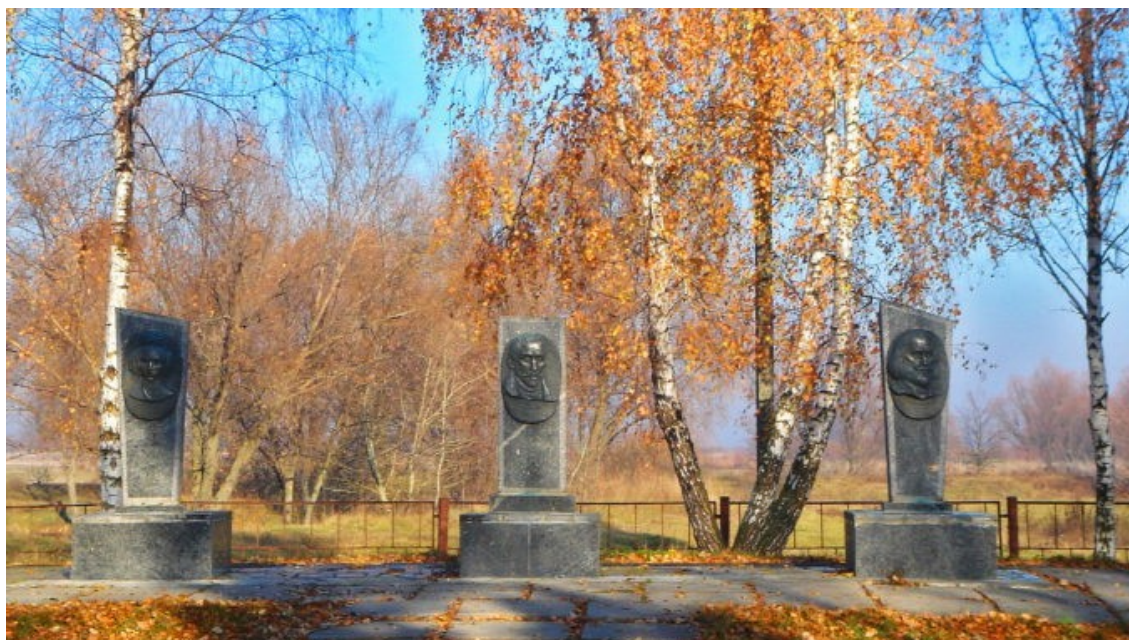

Рис. 5. Мемориальный комплекс, сооруженный в 1975 г. на предполагаемом месте захоронения М.Н. и С.Г. Волконских и А.В. Поджио. Село Воронки Черниговской губернии. Фотография М. Кальницкого, 2009 г.

Национальная тема, национальные взаимоотношения в империи, начиная с середины XIX в., все более бурно обсуждались в правящих кругах России, обществе, прессе. Довольно остро стоял вопрос о национальности отдельных акторов политической и общественной жизни. Возможно, под влиянием подобной обстановки Белоголовый столь горячо и безапелляционно доказывал, что его учитель и друг, несмотря на его итальянское происхождение, – русский.

Важнейший для понимания самоидентификации Поджио вопрос – о его вероисповедании и ощущении себя католиком. Понятно, что как сын католиков он был крещен в этой вере. В показаниях 1826 г. Поджио на вопрос о вероисповедании указал: «Я римско-католической веры. Лет несколько не был на исповеди. В темнице лишь при раскаянии моем исполнил мой долг христианский»⁴⁸. А.В. Поджио в 1820 г. был восприемником старшего племянника, названного также Александром. Поскольку мать ребенка была православной, мальчик был крещен в православии⁴⁹. В Киевской губернии с ее специфической религиозной ситуацией его мог крестить дядя-католик. Следует учитывать, что А.В. Поджио почти всю свою сознательную жизнь прожил среди русских православных – это относится и к семье, и к друзьям, и вообще к окружению. В 1850 г., еще ссыльным, Александр Викторович женился

⁴⁴ Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 392.

⁴⁵ Поджио А.В. Записки, письма... С. 445 (письмо М.С. Волконскому).

⁴⁶ Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 397.

⁴⁷ Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. Из детских лет... С. 253.

⁴⁸ ВД, Т. XI. С. 36.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3921. Л. 8 об.

на Ларисе Андреевне Смирновой, классной даме Иркутского Девичьего института (рис. 6). Женясь на православной, он по закону обязан был венчаться по православному обряду и крестить дочь (Варвара Поджио родилась 22 октября 1854 г.) в православии. В одном из писем к М.С. Волконскому есть рассуждение о католицизме как о чем-то внешнем, чужеродном, не своем. «Ты говоришь, – обращается к нему Александр Викторович, – католицизм есть еще враждующая причина! Именно католицизм, как его понимают одни клерикалы, и есть более звено, чем это другое к упрочению союза; Россия, чуждая папизму, не может быть препятствием или усилением для их притязаний»⁵⁰. В письме идет речь о польском вопросе и о возможности прекращения русско-польской вражды. Н.А. Белоголовый утверждал, что «Поджио не был религиозным человеком <...> его мировоззрение скорее приближалось к пантеистическому, и он с одинаковым уважением относился ко всем религиям, сам в церковь не ходил, никаких обрядов не соблюдал»⁵¹.

Рис. 6. Л.А. Поджио (Смирнова).
(Декабристы и их время. Труды ГИМ. М., 1995.
Вып. 88. С. 268).

К вопросу о национальной самоидентификации примыкает вопрос о социальном/сословном происхождении и самоощущении. В источниках он освещается одновременно с историей семьи и того, как она оказалась в России. В формулярном списке, вошедшем в следственное дело, указано кратко: «Из дворян»⁵². В мемуарах Н.А. Белоголового изложена версия о происхождении Поджио «из древней итальянской фамилии». Скорее всего, со слов самого декабриста или его вдовы и дочери, утверждается: «Отец его имел именье и жил в верхней Италии, в провинции Новара, в конце прошлого (т.е. XVIII. – Н. М.) столетия, когда началась французская революция, нарушившая по соседству и в Италии весь строй мирной обывательской жизни. Он был дружен с кем-то из числа тех французских легитимистов, которых волна первой революции выбросила в Россию, и именно в Одессу, и этот приятель стал зазывать Поджио-отца перебраться из Италии, волнуемой постоянными смутами, в мирную Одессу»⁵³. Эти слова не находят подтверждения в официальных документах Департамента герольдии (о них чуть позже). Может быть, правдоподобнее свидетельство Н.А. Белоголового о пребывании А.В. Поджио во Флоренции в последние годы жизни. По его словам, между флорентийцами «бывали и такие, которые предъявляли права на дальнейшее родство, так как фамилия Поджио принадлежит старинным флорентийским и до сих пор много имеет представителей в Италии»⁵⁴. Единственная дочь А.В. Поджио вышла замуж за русского, В.С. Высоцкого, но почти всю жизнь прожила в Италии, там же остались и ее (и Александра Викторовича) потомки, в отличие от потомков Иосифа Викторовича (рис. 7).

Самим А.В. Поджио биография отца освещена в небольшом тексте, сохранившемся в копии. Она начинается словами: «Отец мой, Виктор Яковлевич Поджио, был выходец из Пьемонта. Темные сказания матери моей не объяснили мне ясно причины, побудившей его оставить свое отечество. Я мог догадываться, что, преследуемый за нанесенную опасную рану в порыве ревности какому-то счастливому сопернику в любви, он воспользовался предложением Рибаса, отплыл с ним из Ливорно и, таким образом, избегнул преследования уже и без того ненавист-

альных документах Департамента герольдии (о них чуть позже). Может быть, правдоподобнее свидетельство Н.А. Белоголового о пребывании А.В. Поджио во Флоренции в последние годы жизни. По его словам, между флорентийцами «бывали и такие, которые предъявляли права на дальнейшее родство, так как фамилия Поджио принадлежит старинным флорентийским и до сих пор много имеет представителей в Италии»⁵⁴. Единственная дочь А.В. Поджио вышла замуж за русского, В.С. Высоцкого, но почти всю жизнь прожила в Италии, там же остались и ее (и Александра Викторовича) потомки, в отличие от потомков Иосифа Викторовича (рис. 7).

Самим А.В. Поджио биография отца освещена в небольшом тексте, сохранившемся в копии. Она начинается словами: «Отец мой, Виктор Яковлевич Поджио, был выходец из Пьемонта. Темные сказания матери моей не объяснили мне ясно причины, побудившей его оставить свое отечество. Я мог догадываться, что, преследуемый за нанесенную опасную рану в порыве ревности какому-то счастливому сопернику в любви, он воспользовался предложением Рибаса, отплыл с ним из Ливорно и, таким образом, избегнул преследования уже и без того ненавист-

⁵⁰ Поджио А.В. Записки, письма... С. 438 (письмо конца февраля – начала марта 1871 г.).

⁵¹ Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 394.

⁵² ВД. Т. XI. С. 32.

⁵³ Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. Из детских лет... С. 253.

⁵⁴ Белоголовый Н.А. А.В. Поджио... С. 392.

ного ему правительства»⁵⁵. Важно, что отец назван Виктором Яковлевичем, как именовали его в России, а не его итальянским именем Витторио Амедео. Сведения явно получены уже после его кончины, от матери, и ничего не говорится о принадлежности к «древнему и благородному роду». Подтверждено мнение Белоголового о том, что Поджио были «выходцами» из Пьемонта (Новара – одна из пьемонтских провинций), нет явно неверных утверждений Белоголового о бегстве отца в Россию вместе с монархистами («легитимистами») после Французской революции. Как следует из формулярного списка, Витторио Амедео Поджио вступил в русскую армию в 1783 г., т.е. задолго до начала революционных событий во Франции⁵⁶. То же относится и к его покровителю, крестному отцу его старшего сына Иосифа⁵⁷, Хосе де Рибасу, находившемуся на русской службе с 1769 г. Кстати, свидетелем при крещении в 1798 г. младшего, Александра, являлся сын Хосе де Рибаса, майор Феликс Рибас⁵⁸.

Формулярный список В.Я. Поджио и сведения о его родословной отложились в деле о дворянстве сына Иосифа Поджио Александра. Именно по инициативе Александра Осиповича (так он именуется в документах, и так его звали родные и знакомые) Псковское дворянское собрание ходатайствовало о включении А.О. Поджио в 4-ю часть дворянской родословной книги, как происходящего из иностранного дворянского рода⁵⁹, – ранее он был отнесен во 2-ю часть, по офицерскому чину отца⁶⁰. Департамент герольдии не признал убедительными представленные А.О. Поджио документы и решил, что родословная «рода Поджио, признанная генуэзским правительством, о происхождении сего рода из древнейших генуэзских фамилий, и метрические выписки о крещении не есть доказательство дворянского достоинства»⁶¹. Тем не менее находящиеся в деле «Родословное древо благородной фамилии Поджио» и «Свидетельство» о происхождении рода, весьма интересны.

Так, в родословной названо имя матери «Джузеппе и Алессандро» – Мадалина Даде, в метрическом свидетельстве старшего сына она названа Магдалиной Кватрокке⁶², в России ее обычно именовали Магдалиной Осиповной⁶³, в расписке о получении денег и вещей сыновей после суда над ними она подписалась: М. Poggio⁶⁴. Среди ближайших родственников Александра Викторовича и Иосифа Викторовича Поджио названы их троюродные братья адвокат Бенвенуто, почт-директор Джорджи, служащий карантин Андреа, студент-юрист Спиридон⁶⁵. Возможно, такие незначительные должности не вписывались в русские представления о знатных и благородных дворянах.

Свидетельство официальных лиц Генуи гласит: «Мы, адвокат Карло Кунео, инспектор королевских публичных архивов в городе Генуе и герцогстве Генуэзском, сим свидетельствуем всем

Рис. 7. В.А. Высоцкая (Поджио).
Фотография конца 1870-х гг.

⁵⁵ Поджио А.В. Записки, письма... С. 144.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3921.

⁵⁷ Там же. Д. 3922. Л. 17. Копия метрического свидетельства Иосифа Поджио (перевод).

⁵⁸ Там же. Л. 18. Копия метрического свидетельства Александра Поджио (перевод).

⁵⁹ Там же. Л. 18. Рапорт Псковского дворянского собрания в Департамент герольдии Сената от 14 ноября 1850 г.

⁶⁰ Там же. Л. 4 об.–5. Определение Псковского Дворянского собрания от 15 октября 1843 г.

⁶¹ Там же. Л. 36 об.–37.

⁶² Там же. Д. 3922. Л. 17.

⁶³ ВД. М., 2016. Т. XXIII. С. 519.

⁶⁴ Там же. С. 121.

⁶⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3922. Л. 9 об.–10.

тем, до кого сие касаться может, что из документов, записок и бумаг, хранящихся в оных архивах, явствует, что фамилия De Podio⁶⁶, а ныне Поджио, есть одна из древнейших благородных генуезских фамилий, о коей с 1188 г. упоминается в родословной книге и значится в мирном трактате, заключенном между Республикою и Пизанцами, что впоследствии члены сей фамилии занимали важнейшие места в том государстве и что в 1528 г. фамилия сия присоединена была к Альберго Чибо (Albergo Cibo)⁶⁷. Документ был составлен в Генуе в 1835 г. «по просьбе г. Бенвенуто Поджио <...>, жительствоющего в Новаре», выдан и переведен на русский язык в Департаменте внутренних сношений Министерства иностранных дел по прошению Г.М. Челищевой – тещи А.О. Поджио. Итак, родственник жил в той самой Новаре⁶⁸, откуда, по словам Белоголового, и выехал В.Я. Поджио.

Однако до 1835 г. ни сами будущие декабристы, ни их родители не пытались доказать своих прав на иностранное дворянство. Более того, определением Киевского Дворянского депутатского собрания в 1829 г. было подтверждено его же решение от 1820 г. о внесении Александра и Иосифа Поджио (а также сыновей последнего) в 3-ю часть родословной книги по чину их отца майора Поджио, внесенного некогда в ту же часть⁶⁹. Аргументами для данного решения стало, наряду с отцовским чином восьмого класса, владение населенным имением.

Важные сведения содержатся в прошении «отставного секунд-майора штаб-лекаря Виктора Яковлева сына Поджио» об определении его штаб-лекарем при Одесской портовой карантинной конторе, поданном на высочайшее имя 16 ноября 1800 г. Проситель указывал, что в русскую службу он вступил в 1783 г. подлекарем, в 1787 стал «гошпитальным лекарем», в 1789 – штаб-лекарем, в 1789 – секунд-майором, а в 1796 г. вышел в отставку⁷⁰. Из документа следует, что в 1783 г. он «употреблен был при чумном гошпитале для искоренения сей болезни, где и сам имел на себе сию болезнь, а потому и все имение <...> было предано огню». Через некоторое время последовал перевод в «Украинскую армию, а затем на гребной Черноморский флот»⁷¹. К прошению приложена копия аттестата от дежурства Главной Украинской армии от 20 сентября 1789 г., свидетельствующего, что Поджио «должность свою исправлял с усердием, рачением и искусством»⁷². Де Рибас, аттестуя своего подчиненного, подчеркивал, что тот «как при сражениях, так и посреди оных, во время перевязки раненых и подания им всевозможной помощи вел себя с мужественным духом, подвергаясь беспрестанной опасности от выстрелов неприятельских, и во все время бытности под моим начальством при всех возлагаемых от меня ему препоручений в пол[ь]зовании и призрении бол[ь]ных исправлял должность свою с отличным усердием и искусством»⁷³. Все перечисленные заслуги не помогли штаб-лекарю и секунд-майору вернуться на службу и получить прибыльную и престижную должность. Скорее всего, и сам отказ, и сопровождавшее его суровое указание – «впредь мимо врачебной управы не обращаться»⁷⁴, – объясняются опальным положением при Павле I покровителя, де Рибаса.

Находясь в отставке, В.Я. Поджио занялся коммерцией, стал синдиком городского магистрата Одессы, имел макаронную фабрику в Крыму. Он получил подряд от города на строительство в 1804–1809 гг. первого театра в Одессе, в 1805 г. построил там для своей семьи большой каменный дом. За три года до смерти, последовавшей 29 августа 1812 г. в Одессе, В.Я. Поджио купил имение (Яновка Чигиринского уезда Киевской губернии) с 429 душами крепостных крестьян и стал помещиком⁷⁵.

⁶⁶ Хотя здесь написано «Podio», все же правильно должно быть «Poggio».

⁶⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3922. Л. 9 об., 10 об.

⁶⁸ В 1815–1861 гг. Генуя входила в состав Пьемонта (Сардинского королевства).

⁶⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3921. Л. 1, 11, 14.

⁷⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 344. Оп. 8. Кн. 629. Д. 94. Л. 357–358.

⁷¹ Там же. Л. 358–358 об.

⁷² Там же. Л. 367.

⁷³ Там же. Л. 368–368 об.

⁷⁴ Там же. Л. 371.

⁷⁵ Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио... С. 7.

Все это имеет прямое отношение к вопросу о самосознании и самоощущении А.В. Поджио. Период коммерческой деятельности В.Я. Поджио пришелся на время детства и отрочества его младшего сына. До 1810 г. Александр жил в Одессе, учился в непривилегированном «институте» – это была частная гимназия, состоявшая в это время только из приходского и уездного училищ⁷⁶. С 12 до 16 лет будущий декабрист находился «при матери в имении», а затем, в 1814 г. уехал в Петербург и вступил в гвардию⁷⁷.

Только теперь он оказался в дворянской среде, в свете. «Преображенский капитан Поджио» как один из «трех известных тогдашних красавцев» числился среди завсегдатаев слона С.Д. Пономаревой. «Любезного офицера Преображенского полка» многие годы помнили и другие дамы⁷⁸. Хотя материальное положение семьи к этому времени было уже угрожающим, в расходах он себя явно не ограничивал. Известный декабриствед и археограф О.В. Эдельман, составитель и автор вступительной статьи к тому «Материалы об имущественном положении декабристов» из документальной серии «Восстание декабристов», справедливо указала: «Набор обиходных вещей, содержимое чемоданов арестованных, как и сумма бывших при них наличных денег, наглядно показывают уровень жизни и статус арестантов»⁷⁹. При аресте А.В. Поджио у него были изъяты 1200 руб., золотые часы, а также одежда, постельное и носильное белье, одеяло и т.п.⁸⁰ (рис. 8).

Рис. 8. А.В. Поджио.
Акварель Н.А. Бестужева. 1832–1833 гг.
Исторический музей, Москва

Конечно, молодой офицер не только служил и развлекался, но и много читал, занимался самообразованием – изучал труды по политической экономии, праву, слушал лекции А.П. Куницына и т.д.⁸¹ Огромную роль в его жизни играли политические интересы и занятия, которые привели его в ряды декабристов.

Именно в эти несколько петербургских и последовавших за ними лет, до суда, лишившего его прав состояния, самоощущение и поведение А.В. Поджио соответствовали типичным дворянским нормам. Но относится ли это к владению имением? Интересные материалы для размышления на эту тему имеются в уже цитированном XXIII томе «Восстания декабристов». Информация о состоянии, прежде всего – имениях декабристов («Записка о состоянии и домашних обстоятельствах ближайших родных государственных преступников, по приговору Верховного уголовного суда осужденных») была известна и ранее и использовалась исследователями. Ознакомление с получавшимися от арестованных сведениями позволяет сделать некоторые новые наблюдения. Так, Иосиф Поджио сразу же заявил, что имение заложено в Опекунский совет, что долги составляют до 40 тыс. руб. и срок платежей был в январе⁸². А вот Александр Поджио на вопрос о долгах и заложенности имения первоначально заявил, «что на сей вопросный пункт показаний не имею»⁸³. И только на дополнительный вопрос сообщил, что имение с 394 душами (за отцом числилось 429) заложено от имени матери в Опекунском совете⁸⁴, и подробно охарактеризовал имущественное положение семьи. Яновка находилась в нераздельной собственности наследников В.Я. Поджио (вдовы и сыновей). Управляла им

⁷⁶ Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио... С. 7–8.

⁷⁷ ВД. Т. XI. С. 36.

⁷⁸ Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио... С. 9–10.

⁷⁹ Эдельман О.В. Предисловие // ВД. Т. XXIII. С. 8–17, 13.

⁸⁰ ВД. Т. XXIII. С. 20, 118. У брата Иосифа имелось только 415 руб. (Там же. С. 155).

⁸¹ ВД. Т. XI. С. 37.

⁸² ВД. Т. XXIII. С. 456.

⁸³ Там же. С. 516.

Магдалина Осиповна, может быть, после отставки старший, Иосиф, принимал участие в ведении хозяйства. У младшего на это просто не было времени. Так что вряд ли Александр Поджио мог чувствовать себя владельцем, помещиком.

Все же несколько попыток заняться сельским хозяйством Поджио предпринял после возвращения из Сибири. Это было управление именьями сибирского знакомого К.Я. Дарагана (оно было взято в аренду) и малолетнего внука С.Г. Волконского Сергея Молчанова. В этой роли, довольно сурово критикуя соседей-помещиков, он иронически

Рис. 9. А.В. Поджио
(Декабристы и их время. Труды ГИМ.
М., 1995. Вып. 88. С. 269).

упоминал о себе: «...Я, недовольный, распухший, надутый, как будто и впрямь тот же помещик».⁸⁵ Опыт оказался вполне успешным, последовала попытка приобрести или взять в аренду какое-нибудь имение⁸⁶. Но при этом о «дворянах-владельцах» говорится – «вы»⁸⁷, себя к ним автор явно не относит.

Подведем итоги. Итальянец по происхождению, Александр Викторович Поджио (рис. 9) подчеркивал свою принадлежность к русскому народу, был патриотом России, прекрасно владел русским языком (не забывал итальянский) и использовал его в устной речи и письменных (официальных и частных) текстах, подчеркнуто именовал себя русским, употреблял местоимения первого лица применительно к русским. Оставался католиком, хотя жил в православной семье и православном окружении. По социальной/сословной принадлежности являлся беспоместным дворянином и таким себя и чувствовал.

Вероятно, наиболее верно было бы определить национальную идентичность и самоидентификацию Поджио следующим образом – это был русский итальянец. И он такой был в России не один. Так же, как русские немцы или русские евреи, жили в стране и русские итальянцы.

Литература

Белоголовый Н.А. А.В. Поджио // Знаменский М.С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н.А. воспоминания сибиряка / изд. подгот. Н.Н. Александровой, Н.П. Матхановой. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1988. С. 330–401.

Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. Из детских лет // Знаменский М.С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка / изд. подгот. Н.Н. Александровой, Н.П. Матхановой. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1988. С. 235–308.

Бестужев М.А. Воспоминания о Н.А. Бестужеве // Воспоминания Бестужевых / ред., статья и комм. М.К. Азадовского. СПб.: Наука, 2005. С. 224–289.

Бойко В.П. Предпринимательская деятельность декабриста А.В. Поджио в Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 6 (26). С. 5–8.

Бойчук Л.Л. Драматическая страница из жизни А.В. Поджио после его возвращения из Сибири (по материалам ОПИ ГИМ) // Сибирь и декабристы. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2009. Вып. 6. С. 275–306.

⁸⁴ О своих правах на эту собственность амнистированный и вернувшийся из Сибири декабрист заявил только тогда, когда оказался без средств к существованию. История тяжбы А.В. Поджио с племянниками за родительское наследство, которым они распорядились и от которых получали доходы, пока их дядя находился в Сибири, изложена в статье Л.Л. Бойчук.

⁸⁵ Поджио А.В. Записки, письма. С. 261 (письмо Н.А. Белоголовому, ноябрь 1861 г.).

⁸⁶ Там же. С. 241 (письмо Е.И. Якушкину, Никольское, конец января – февраль 1860 г.), 245 (письмо Н.Д. Свербееву, Никольское, конец января – февраль 1860 г.), 254 (письмо С.П. Трубецкому, Никольское, октябрь 1860 г.), 259 (письмо Е.П. Оболенскому, Москва, 28 августа 1861 г.).

⁸⁷ Там же. С. 244 (письмо Н.Д. Свербееву, Никольское, конец января – февраль 1860 г.).

Бродская И.И. Декабрист Александр Викторович Поджио: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Киев, 1991. 27 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. М.В. Нечкиной. М.: Госполитиздат, 1954. Т. XI. 436 с.

Восстание декабристов. Материалы: под ред. С.В. Мироненко. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. XXIII. 775 с.

Коломинов В.В. Российские немцы – участники движения декабристов // Немцы в России: люди и судьбы. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1998. С. 175–182.

Матханова Е.И. Судьба немцев-декабристов в Сибири // История и этнография немцев в Сибири. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 46–64.

Матханова Н.П. Декабрист А.В. Поджио и его воспитанники братья Белоголовые // Сибирь и декабристы. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1978. Вып. 1. С. 89–102.

Матханова Н.П. Декабрист Александр Викторович Поджио // Поджио А.В. Записки, письма / подгот. Н.П. Матхановой. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. С. 3–64.

Миллер А.И. История понятия нация в России // «Понятие о России». К исторической семантике имперского периода. М.: НЛО, 2012. Т. II. С. 7–49.

Мироненко С.В. Биографический справочник. Принципы издания // Декабристы. Биографический справочник / изд. подг. С.В. Мироненко; под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. С. 376–398.

Нечкина М.В. Рецензия на книгу Ф. Вентури «Движение декабристов и братья Поджио» // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 165–168.

Парсамов В.С. Декабрист А.В. Поджио о русском и европейских путях исторического развития // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. СПб.: Нестор-История, 2004. Вып. VI. С. 334–363.

Поджио А.В. Записки, письма / подгот. Н.П. Матхановой. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. 592 с.

Полянская О.Н. «Желал бы умереть непременно в России...»: декабрист А.В. Поджио в сибирской ссылке // Русские в Италии. Итальянцы в России: взаимовлияние культур. СПб.: Санкт-Петербургский гос. архитектурно-строительный ун-т, 2012. С. 139–152.

Пугачев В.В. Юлиан Оксман и Франко Вентури о декабристах братьях Поджио // Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 58–66.

Сабиньский Ю. Сибирский дневник. Иркутск: Иркутский музей декабристов; Артиздат, 2014. Т. 1. 812 с.

Сергеев С.М. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // Вопросы национализма. 2011. № 2. С. 78–118.

Чернов С.Н. Павел Пестель. Избранные статьи по истории декабризма. СПб.: Лики России, 2004. 301 с.

References

Belogolovyy, N.A. (1988). A.V. Poggio. In *Znamenskiy M.S. Ischeznuvshie lyudi. Belogolovyy N.A. Vospominaniya sibiryaka / Izd. podgot. N.N. Aleksandrovoi, N.P. Matkhanovoi*. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, pp. 330–401.

Belogolovyy, N.A. (1988). *Vospominaniya sibiryaka. Iz detskikh let [Memories of a Siberian. From childhood]*. In *Znamenskiy M.S. Ischeznuvshie lyudi. Belogolovyy N.A. Vospominaniya sibiryaka / Izd. podgot. N.N. Aleksandrovoi, N.P. Matkhanovoi*. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, pp. 235–308.

Bestuzhev, M.A. (2005). *Vospominaniya o N.A. Bestuzheve [Memories of N.A. Bestuzhev]*. In *Vospominaniya Bestuzhevykh. Red., statiya i komm. M.K. Azadovskogo*. St. Petersburg, Nauka, pp. 224–289.

Boiko, V.P. (2012). *Predprinimatelskaya deyatelnost dekabrista A.V. Podzhio v Sibiri [Enterprisership of Decembrist A.V. Poggio in Siberia]*. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 6 (26), pp. 5–8.

Boyчук, L.L. (2009). Dramaticheskaya stranitsa iz zhizni A.V. Podzhio posle yego vozvrashcheniya iz Sibiri (po materialam OPI GIM) [A dramatic page from the life of A.V. Poggio after his return from Siberia (based on the materials of the Department of Manuscripts of the State Historical Museum)]. In *Sibir i dekabristy*. Irkutsk, vol. 6, pp. 275–306.

Brodskaya, I.I. (1991). Dekabrist Aleksandr Viktorovich Podzhio [Decembrist Alexander Viktorovich Poggio]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Kiev. 27 p.

Chernov, S.N. (2004). *Pavel Pestel. Izbrannye statii po istorii dekabrizma* [Pavel Pestel. Selected articles on the history of Decembrism]. St. Petersburg, Liki Rossii. 301 p.

Kolominov, V.V. (1998). Rossiyskie nemtsy – uchastniki dvizheniya dekabristov [Russian Germans – Members of the Decembrist Movement]. In *Nemtsy v Rossii: lyudi i sudby*. St. Petersburg, pp. 175–182.

Matkhanova, E.I. (2009). Sudba nemtsev-dekabristov v Sibiri [The fate of the German Decembrists in Siberia]. In *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri*. Omsk, pp. 46–64.

Matkhanova, N.P. (1978). Dekabrist A.V. Podzhio i yego vospitanniki bratya Belogolovye [Decembrist A.V. Poggio and his pupils the Belogolovy brothers]. In *Sibir i dekabristy*. Irkutsk, vol. 1, pp. 89–102.

Matkhanova, N.P. (1989). Dekabrist Aleksandr Viktorovich Podzhio [Decembrist Alexander Viktorovich Poggio]. In *Poggio A.V. Zapiski, pisma*. Irkutsk, pp. 3–64.

Miller, A.I. (2012). Istoriya ponyatiya natsiya v Rossii [History of the concept “nation” in Russia]. In *“Ponyatie o Rossii”. K istoricheskoi semantike imperskogo perioda*. Moscow, vol. II, pp. 7–49.

Mironenko, S.V. (1988). Biograficheskiy spravochnik. Printsipy izdaniya [Biographical reference book. Principles of publication]. In *Nechkina, M.V. (Ed.). Dekabristy. Biograficheskiy spravochnik*. Moscow, Nauka, pp. 376–398.

Mironenko, S.V. (Ed.). (2016). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, vol. XXIII. 775 p.

Nechkina, M.V. (Ed.). (1954). Vosstanie dekabristov. Materialy [Decembrists uprising. Materials]. Moscow, Gospolitizdat, vol. XI. 436 p.

Nechkina, M.V. (1957). Retenziya na knigu F. Venturi “Dvizhenie dekabristov i bratya Podzhio” [Review of the book by F. Venturi “The Decembrist Movement and the Poggio Brothers”]. In *Voprosy istorii*. No. 3, pp. 165–168.

Parsamov, V.S. (2004). Dekabrist A.V. Podzhio o ruskom i evropeiskikh putyakh istoricheskogo razvitiya [Decembrist A.V. Poggio about Russian and European ways of historical development]. In *14 dekabrya 1825 goda: istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. St. Petersburg, vol. VI, pp. 334–363.

Poggio, A.V. (1989). *Zapiski, pisma* [Notes, letters]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo. 592 p.

Polyanskaya, O.N. (2012). “Zhelal by umeret nepremenno v Rossii...”: dekabrist A.V. Podzhio v sibirskoy ssylke [“I would like to die without fail in Russia...”: Decembrist A.V. Poggio in Siberian exile]. In *Russkie v Italii. Italyantsy v Rossii: vzaimovliyanie kultur*. St. Petersburg, pp. 139–152.

Pugachev, V.V. (1999). Yulian Oksman i Franko Venturi o dekabristakh bratyakh Podzhio [Julian Oksman and Franco Venturi on the Decembrists brothers Poggio]. In *Yulian Grigoryevich Oksman v Saratove. 1947–1958*. Saratov, pp. 58–66.

Sabinskiy Yu. (2014). *Sibirskiy dnevnik* [Siberian diary]. Irkutsk, Irkutskiy muzei dekabristov, Artizdat, vol. 1. 812 p.

Sergeev, S.M. (2011). Vosstanovlenie svobody. Demokraticheskiy natsionalizm dekabristov [Restoration of freedom. Democratic nationalism of the Decembrists]. In *Voprosy natsionalizma*. No. 2, pp. 78–118.

Статья поступила в редакцию 20.11.2020 г.